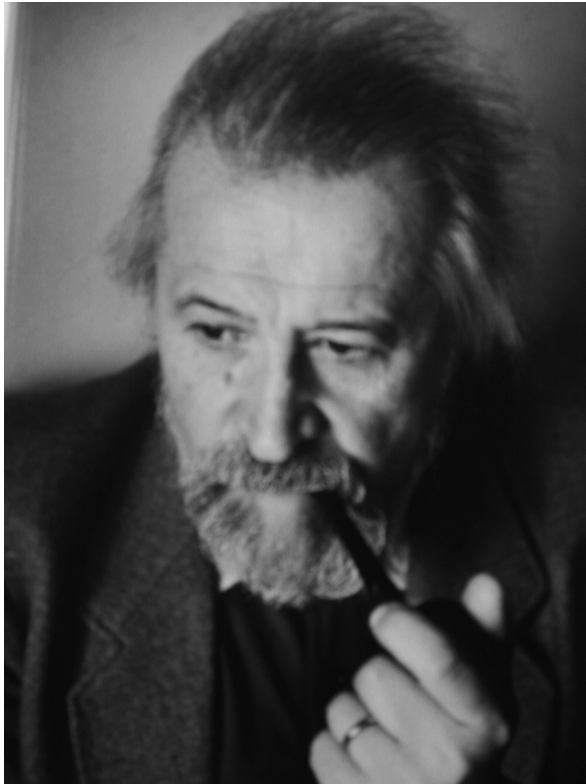

ПАМЯТИ БОРИСА АНДРЕЕВИЧА ГРУШИНА (1929 - 2007)¹**Более страстного социолога я не видел**

Скорблю вместе с семьей Бориса Андреевича и российскими социологами.

Борис Андреевич был моим оппонентом при защите диссертации.

Случилось когда-то так, что секретарь по идеологии КПСС А.Н.Яковлев пригласил меня в Москву, в шестой подъезд... Он решил подвести итог огромного по объему исследования, под названием "Среднегорск". На карте такого города нет.

Туда был экспертом приглашен и Борис Андреевич. Яковлеву мы докладывали отдельно, однако наши оценки и выводы как по основным компонентам, так и в целом по этому исследованию полностью совпали.

Подводя итог, Яковлев сказал: "Это яркий пример того, как гора родила мышь".

А мы с Борисом Андреевичем гуляли тогда по Москве до поздней ночи, заходили сюда-туда и обсуждали, как собрать достоверные данные и не потерять эту достоверность ни в процессе обработки данных, ни в последующем анализе.

Более страстного социолога я не видел.

Жаль, что теперь и о нем осталась лишь память.

Юло Вооглайд (Blo Vooglaid)

* * *

Борис, ты прав...

...Масштаб творчества и личности Бориса Грушина позволяет говорить не только о его жизни, но о его судьбе. Его жизнь завершилась, но не судьба.

Начав четыре десятилетия назад опросы общественного мнения населения СССР, он толкнул с горы камушек, породивший лавину. Он дал возможность высказаться десятилетиями молчавшему обществу. И потому я не сомневаюсь в том, что в политической культуре XX-го столетия имя Грушина будет стоять в одном ряду с выдающимися гуманистами, считавшими демократию и свободу важнейшей ценностью общества и человека.

Прежде всего, Борис Грушин был идеалистом и романтиком. Живя в обществе, в котором все подчинялось государству, он верил в то, что общественное мнение имеет право на существование и должно быть услышанным.

Но он был и жестким прагматиком. Он сделал все, чтобы в стране сложилась практика изучения общественного мнения. Он был «настоящим буйным» и признанным вожаком.

Задачи, которые он ставил перед собою, были всегда грандиозными, за решение иных он просто не брался. Исследования, которые он проводил, казались неосуществимыми. Всем, кроме него.

Только Грушин, отложив другие дела, мог взвалить на себя неподъемное: попытаться дать всесторонний анализ общественного сознания населения СССР/России в годы правления Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. Он сделал то, что мог сделать только он, – рассказал о первых двух эпохах.

Грушинский анализ простирался, углублялся в те сферы бытования массового сознания, о существовании которых большинство исследователей даже не догадывалось. Грушин был един в трех лицах: философ, логик и социолог.

Грушин не только изучал наше общество, он во многом его сделал. Мне приятно осознавать, что о творчестве Грушина я начал писать при его жизни... но потребуются годы, чтобы в полной мере осознать сделанное им. Тяжело осознавать, что теперь наш диалог будет только мысленным...

Около двадцати лет назад родилась фраза, которая была безумно популярной в те годы: «Борис, ты не прав!» Некоторое время после случившегося Грушин носил на груди большой жетон со словами, которые в полной мере относятся к сделанному им: «Борис, ты прав!».

Борис Докторов

* * *

Я питала к нему глубокое уважение

Я пришла в социологию в середине 1960-х годов и, конечно же, сразу познакомилась с ведущими социологами того времени, включая Бориса Грушина. Тематика наших исследований была достаточно далекой друг от друга: у него было «Общественное мнение и общественное сознание», а у меня «Социально-экономические проблемы советского села», мы жили совсем в разных местах: я – в Новосибирском Академгородке, а Грушин в Москве, поэтому мы непосредственно в работе не пересекались, но, конечно, встречались на конференциях. Я питала к нему глубокое уважение как к одному из наиболее ярких основоположников советской социологии.

Мне многое приходилось слышать о его исследованиях, принимать участие в обсуждении итогов великолепного и потрясающего для того времени «Таганрог-

¹ Сбор материалов памяти Б.А. Грушина осуществлен Б. Докторовым в рамках проектов «Современная история российской социологии (журнал «Телескоп»)» и «Международная биографическая инициатива» <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html> и Н. Деминой (сайт Полит.Ру). О Б.А. Грушине – человеке и ученом смотри: *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев*. 2004. №4.

ского проекта», где он был одним из ведущих исполнителей комплексного исследования социальных проблем города Таганрога.

Непосредственно жизнь нас свела тогда, когда было принято решение ЦК КПСС о создании Всесоюзного центра изучения общественного мнения. Мне было предложено возглавить этот Центр, но я совершенно не была специалистом в этой области и первым делом спросила: «А почему не Грушина? Надо Грушина назначать», но у них были какие-то свои соображения. Может быть, они считали, что Грушин как очень сильный человек будет не сильно управляемым и, наверно, считали, что с женщиной им будет проще совладать и управлять. Меня заверили, что Грушин согласился быть моим первым заместителем и взять на себя всю методическую работу, как специалист в области изучения общественного мнения.

В результате этой договоренности, мы проработали вместе около двух лет, с начала 1988 года до конца 1989 года. Борис Андреевич был моим первым заместителем, и именно ему принадлежит честь создания ВЦИОМа как современной организации по изучению общественного мнения: он сыграл ведущую роль и в подборе людей, и в определении структуры центра и в решении очень многих методических, организационных и технических вопросов. Затем Борис Андреевич предпочел организовать собственный центр, для того, чтобы быть полным хозяином своего дела и организовал центр «Vox Populi – Глас народа».

На всем протяжении этих лет мы оставались в дружеских отношениях. Его работа всегда вызывала у меня глубочайшее уважение и, конечно, я очень ценила его работу последних лет – громадный и чрезвычайно интересный замысел «Четыре России». Он пытался рассказать о России на основе данных общественного мнения. Он намеревался написать четыре тома: «Россия Хрущева», «Россия Брежнева», «Россия Горбачева» и «Россия Ельцина», однако выпустил и подготовил только три.

Однажды я была у него дома, и увидела, что его квартира устроена так: длинный-длинный коридор, и вдоль всего этого коридора – стеллажи. Стеллажи есть у каждого ученого, важно, что на стеллажах. У него все эти стеллажи были заняты папками его предыдущих опросов. Он сказал: «У меня есть все до единой анкеты, которые мы когда-то запускали, все материалы, методические обоснования. Я не выбрасываю ни одной бумажки». Он был необыкновенно скрупулезным человеком.

Как мне кажется, только человек, обладающим такими качествами, сохранивший все свои материалы исследования, мог поставить перед собой столь сложную задачу подготовки целого тома, посвященного времени Хрущева или времени Брежнева. В своей работе он мог опираться на огромные материалы, которые он все до одного сохранил. У меня лично нет ни одного материала по сельским исследованиям, которые мы проводили в Сибири. Они остались где-то в институте, а потом их сдали куда-то в архив и теперь уже никаких следов не найдешь.

Вы, конечно, знаете, что Борис Докторов недавно выпустил книгу, посвященную отцам-основателям общественного мнения, а именно Гэллапу в США и Грушину в России, где есть и биография Грушина, и история его исследований, проведенных здесь в России. Так что можно сказать, что в каком-то смысле ему уже при жизни был воздвигнут памятник и отдан тот долг, которого он заслуживал. Не сомневаюсь, что его работы еще долго будут изучаться и студентами, и исследователями. Он оставил в науке значимый след и, прежде всего, в изучении общественного сознания, в ходе которого он использовал в том числе и опросы общественного мнения.

Татьяна Заславская

* * *

Борис Грушин был предан идее изучения массового сознания

В начале социологической эры 60-х годов Борис Грушин был самой яркой фигурой среди нас. Он первым из москвичей приехал в нашу лабораторию в Меншиковском дворце в Ленинграде. Он был абсолютно предан идее изучения массового сознания в значимых позициях для общества и верил, что оно может стать фактором влияния на большую политику.

Грушин принялся за изучение механизмов его взаимодействия с властными структурами, опираясь на тщательно отработанный аппарат исследования. Он действительно был великим ученым; не только преданным науке, но и разработавшим практическую систему действий, чтобы осуществить свой проект, над которым он работал до конца своих дней. На своих проектах он вырастил массу учеников. Огромна роль Грушина в создании ВЦИОМа (ныне – «Левада-Центр») и всей культуры изучения общественного мнения в стране.

Каждый из нас помнит его озорное остроумие, знание и умение рассказывать анекдоты, которые и были перлами массового сознания.

И таких людей мы не умеем ценить!

Когда-нибудь - пройдет время - и Борису будет поставлен памятник, может быть, на Волхонке 14 у здания Института философии РАН с надписью: "Первому россиянину, описавшему сознание людей в эпоху социотрясения 60-х и 90-х."

Андрей Здравомыслов

* * *

Ушел еще один классик...

Подобно Юрию Леваде, Борис Грушин и по складу мышления, и по образованию был философом-теоретиком (его первой книгой были «Очерки логики исторического исследования», 1961), но главным делом его жизни стало изучение общественного мнения. Когда он начал заниматься этими сюжетами, мы дружески смеялись, что Борис изучает несуществующий в СССР предмет, но его работа в какой-то степени способствовала материализации этой виртуальной реальности. Его незаконченная тетралогия «Четыре жизни России» навсегда останется ценным историческим источником об эволюции установок и ценностей советских людей. Когда мне недавно понадобилась информация о том, что сегодня называют гендерными ролями, я первым делом открыл том Грушина, и нашел в нем то, что искал. Кстати, Борис провел и первый советский массовый опрос об отношении молодежи к половой морали, из которого явствовало, что люди жаждут сексуального просвещения.

Не буду говорить о научных заслугах Бориса, они известны и без меня. Хочу подчеркнуть, что он был исключительно прямым, смелым и надежным человеком. Практически все его работы в советское время встречались в штыки, а созданные им коллективы разгонялись. Тем не менее, ему всегда удавалось сохранить главные результаты; однажды ему пришлось ради этого буквально украсть свой научный архив из ИКСИ. Когда в Академии общественных наук «прорабатывали» Левада, самым смелым и рискованным выступлением в его защиту была речь Грушина. Его смелость была не только гражданской, но и интеллектуальной. В 1990-е годы, когда люди стали делать карьеру и деньги на политическом пиаре, «объясняя» и «прогнозируя» все, что угодно, Борис публично заявил и много раз повторял, что не понимает того, что происходит в России. Несмотря на безоговорочную преданность демократическим ценностям, научная достоверность была для него важнее политкорректности.

В жизни Борис был веселым и общительным человеком, причем его личные увлечения также обрели черты профессионализма. Свою любовь к пиву он реализовал в книге, поразившей даже чехов, а в вопросах киноискусства разбирался лучше профессиональных киноведов. Грушин был очень разборчив в интеллектуальных и личных связях. Разносных статей в свой адрес он просто не читал (когда в разгар компании против его теории массового сознания один уважаемый академик-математик, не разобравшись в деле, опубликовал резкую антигрушинскую статью, Борис сказал, что прочитает её через 20 лет, и слово свое сдержал), а непорядочным людям высказывал свое мнение в лицо, так что они его избегали. После смерти человек беззащитен. В последнее время на похоронах замечательных людей мне часто вспоминаются слова Галича: «А над гробом встали мародеры...» Но для исторической памяти это никакого значения не имеет.

Из моих ушедших выдающихся современников, Борис Грушин громче всех говорил о горечи социальной невостребованности. Однако при всех трудностях и издержках, ему удалось сделать поразительно много, а все его книги, даже если в них преобладают статистические таблицы, удивительно личностны.

Игорь Кон

* * *

Год тяжелых утрат

Этот год стал годом тяжелых утрат. Сначала Юрий Александрович Левада, теперь Борис Андреевич Грушин... Грушин – это первый и главный энтузиаст опросов общественного мнения. Вся его жизнь связана с горением вокруг этой темы. Он начал развивать эту отрасль первый в СССР ещё в конце 1950-х годов. Он изучил практику опросов во Франции и теоретически, методически и содержательно был глубоким знатоком этой абсолютно неизвестной в СССР области. В 1970-е годы он создал первый в стране институт изучения общественного мнения и то, что он делал тогда, сейчас опубликовано в его фундаментальном труде «Четыре жизни России». Вышло всего два тома из четырёх, причём второй том – в двух книгах. Это абсолютно полные задокументированные результаты исследований, которые он проводил в 1960-е годы. Когда читаешь их сейчас, с расстояния в 40 с лишним лет, кажется какой-то фантастикой то, чем он занимался, изучая отношение советских людей к бригадам коммунистического труда, к изучению космоса, к реалиям того времени, и тогдашняя жизнь поворачивается совершенно неожиданным образом. В конце 60-х – начале 70-х годов он занимался самым известным проектом эмпирической социологии под названием «Таганрог», когда город был обследован со всех сторон. Знаменитые выпуски «47 пятниц» – это классический труд, который до сих пор потрясает интересен. Потом, когда Институт социологии разогнали, он работал в редакции журнала «Проблемы мира и социализма» (Прага, Чехословакия) и там написал до сих не изданную на русском языке книгу «In vivo veritas» – это контент-анализ надписей в пражских пивных и туалетах, которая моментально была переведена на английский язык. За что бы он ни брался – всякий раз возникал какой-то нетривиальный результат. И всё это время у него была одна пламенная идея – чтобы в СССР был институт изучения общественного мнения, институт опросов, и только с началом перестройки эта идея смогла реализоваться. Он был главным мотором создания всесоюзного центра изучения общественного мнения. Его идея прошла через все кабинеты ЦК, через Политбюро и в конечном итоге Горбачёв принимал решение о создании ВЦИОМа. Его идеей было пригласить Татьяну Ивановну Заславскую как крупнейшую фигу-

ру, которая могла бы стать стержнем и защитой для этого нового центра. Собственно, ВЦИОМ был его детищем. Я работал там с первого дня и тогда с ним близко познакомился – это был ступок энергии. Если бы не он, не было бы никакого ВЦИОМа. Потом ему первому стало тесно в рамках государственного института, и он создал первую частную компанию – вначале как общественную организацию, затем как частную – «Vox populi», знаменитую в начале 90-х годов организацию.

А последние годы он подытоживал труды своей жизни. Никто не способен собрать все материалы, все исследования – и на бумаге, и в шкафах, и в голове – и с такой настойчивостью доводить дело до конца. Вообще это была его особенность – доводить всё до конца, до финала, до точки. По его словам, он всю жизнь вёл дневник – каждый вечер писал три страницы. Как-то он сказал мне «Ты себе не можешь представить, что такое три страницы в конце дня. Это Голгофа». Вот на эту Голгофу он восходил всю жизнь. Это фантастический человек, таких больше нет. Он болел и, тем не менее, работал и, наверно, его следующий толстенный том, где всё разложено по полочкам, рассказано, расписано, уже где-то на выходе, но не успел. Тяжкий день, тяжкий год и тяжкая новость.

Александр Ослон

* * *

Грушин – Богом созданный социолог

Умер Борис Грушин, который для меня всегда был символом наиболее ценных мною человеческих качеств: яркой интеллектуальности, неумолимой творческой энергии, безграничной честности, трогательной преданности социологии, поразительно сочетавшего блистательные способности теоретика и эмпирика, открытости к мировой науке, поразительной научной щепетильности, глубокого уважения к мировой культуре, страстной любви к классической музыке, верности друзьям, полного отсутствия зависти к успехам своих коллег.

Он был глубинным демократом, презиравшим авторитаризм во всех его проявлениях. Всегда называя «черное черным и белое белым», он с большой грустью наблюдал за трансформацией сознания бывших либералов, стремящихся опять слиться с властью и прибегающим для этого к ксенофобии в её разных модификациях. Я помню, как однажды в Вашингтоне, после конференции славистов (это было в 1995 или 1996 году), между нами (Грушин, Ядов, Левада, Шубкин) был затеян жаркий спор о сущности ельцинского режима. Свою позицию Боря выразил, прочитав знаменитый сонет Шекспира с его обличением коррупции и вероломства властей, звучавший поразительно современно.

Как я рад, что в моей жизни был Грушин. 50 лет я жил в России, почти 30 в Америке, и нигде я встречал и близко людей, обладающих комбинацией тех качеств, которые делали Грушина столь уникальным, каким он был.

Для меня Боря был подтверждением правоты мистического закона о том, что История, Провидение, Абсолютный Дух, или великий Детерминизм отыскивают удивительно подходящих людей для выполнения поставленных ими задач.

Борис выполнял свое предназначение буквально до последнего вздоха. Он ушел из жизни переполненный множеством идей. Болезнь не смогла покорить его огромный творческий потенциал и усмирить его бьющую через край мысль. Я с ним говорил по телефону в мае этого года, когда он в последний раз приезжал в США, где живет его дочь Оля, ставшая известной американской писательницей. Он был уже очень плох, и все же он откликнулся на любой поворот мысли и печалился, что его работа над завершением его многолетнего исследова-

ния об общественном мнении в «Четырех Россиях» идет медленно. У него роились разные планы. Он хотел, например, написать бесконечно, оригинальную автобиографию, в которой каждый эпизод был бы рассказан в разных перспективах – чисто личной, социологической и политической. Смерть остановила сердце «мыслящего тростника» в самый неподходящий момент.

Владимир Шляпентох

* * *

Борис Грушин: на кого равняться молодым социологам

18 сентября ушел из жизни Борис Грушин – выдающийся социолог, увлеченный и смелый исследователь. Это ему принадлежит фраза, публично произнесенная на каком-то социологическом заседании в ИКСИ АН СССР: «Социологи нужны нашей власти как Ученый совет при Чингисхане».

Грушин немислимым образом в условиях партийной цензуры создал при газете «Комсомольская правда» институт общественного мнения, проводил не только опросы читателей газеты, но изобрел необычные способы организации выборки. Так, однажды его интервьюеры вошли во все поезда, отправлявшиеся, если помню, с Казанского вокзала, и предприняли систематический отбор пассажиров каждого поезда, которые ехали на восток кто куда, в свои города, деревни... Причем, рассказывал Борис, люди в поезде очень откровенны. Мы такого наслушались!

Будучи сотрудником ИКСИ АН СССР, он осуществил изучение мнений жителей «среднего города» по самым разным общественно-политическим проблемам, включая оригинально сконструированную методику регистрации поведения участников собраний (фиксировали: болтают, дремлют, похотывают, читает по бумажке...). При поддержке работника ЦК КПСС Л. Оникова исследование не только состоялось, но начали выходить в свет ротопринтные книжечки «47 пятниц» (по числу семинаров участников проекта), пока директор М. Руткевич не запретил эту крамолу. Все же исследование было реализовано, а некоторые методические находки вошли в учебные пособия.

Грушин, еще будучи студентом философского факультета МГУ, отличался неодобряемой в те годы любознательностью, входил в семинар-кружок Шедровицкого, где обсуждали радикальный вопрос – что есть подлинный марксизм и социализм. Он первым написал серьезную работу о массовом сознании и общественном мнении. Последнее, утверждал автор, имеет место лишь в обществе, в котором граждане могут свободно обсуждать социальные проблемы. Так что позже проводимые им же опросы он рассматривал по большей части как выражение стереотипов массового сознания данного периода жизни страны. Потому свой незаконченный труд он назвал «Четыре жизни России».

Будучи человеком предельно организованным, Борис сохранил весь архив полевых документов - 250 массовых опросов общественного мнения, выполненных за последние 40 лет под его руководством, включая и те, что проводились, начиная с конца 80-х ВЦИОМом и «Ин-

титутутом общественного мнения профессора Грушина». В Институте философии, где он работал, не оказалось помещения, куда можно было бы перевезти этот архив, хранившийся у него дома. Тогда мы выделили ему на пятом этаже Института социологии комнатку, в которой он потратил немеряное время, приводя архив в рабочее состояние. Он предпринял переосмысление результатов этих опросов, многие материалы которых ранее не были опубликованы.

Борис разработал проект создания серии книг под названием «Четыре жизни России» в переломные годы истории: эпохи Хрущева, Брежнева, Ельцина и Горбачева. Книжки о горбачевском и ельцинском периодах остались лишь в набросках.

В ряду моих близких друзей социологов решительно все работоголики, но Грушин был несомненным чемпионом... В последние годы, будучи серьезно болен, он жестко следовал своему ежедневному графику – столько-то страниц в день очередного тома «четыре жизни России» и радостно сообщал, что более или менее справляется. Не успел...

Говорят, что людям от природы дан свой запас жизненной энергии. Грушин растратил ее всю без остатка на то, чтобы утвердить в стране мощный институт гражданского общества и выполнил свою миссию. Мы потеряли и Юрия Леваду – столь же безупречного энтузиаста в стремлении понять, что происходит с соотечественниками в переломные эпохи нашей истории.

Я обращаюсь к коллегам младших поколений не подвизаться всякого рода соблазнам и беречь пуще ока честь и достоинство представителя нашей профессии, как это было присуще Борису Грушину.

Владимир Ядов

* * *

Вечная память и благодарность российскому социологу-классику Борису Андреевичу Грушину

Мы сильно дружили, вроде бы на равных, но равенство возможностей в этом случае было иллюзией. Разве можно было быть равным социологу от Бога как сказал о Борисе Грушине Владимир Шляпентох? Ведь Борис знал неизмеримо больше многих, обладал особым провидческим чутьем на социальное, глубже иных в своем профессиональном и человеческом окружении проникал в суть вещей и явлений внешнего мира. Он был творцом социологического знания. Скорбя о бесценном друге, утешая себя надеждой дожить до выхода в свет «академического подписного Грушина» – полного собрания его сочинений и лучшего выражения памяти о нем профессионального сообщества, российских центров по изучению общественного мнения, коллег и учеников об этом уникальном и незабываемом Человеке. В один из томов собрания, верю, войдут грушинские афоризмы и изречения. Давно уже кончились битвы за партийность социологии, которые для многих были формой приспособленчества и лицемерия, а грушинские крылатые слова в адрес циничных партocrats звучат предупреждением и сегодня: «Вы не стойте, вы лежите на позициях марксизма».

Борис Фирсов